

Эрик Лант

Протокол Константа: Теория Равновесия

Эрик Лант

Протокол Константа: Теория Равновесия

<https://litres.ru/73887661>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эра нейросетей научила людей доминировать в Галактике, но не подготовила к встрече с «идеальным» врагом. Из пустоты пришла Константа. Она не ведет войн — она перерабатывает миры. Для неё Содружество — лишь избыточный ресурс, подлежащий переработке.

В мире, где новейшее оружие бессильно, а Искины впадают в оцепенение, судьба человечества оказывается в руках тех, кто привык полагаться на интуицию и технологии прошлого:

Полковник Виктор Голицын — ветеран, готовый сжечь сектора, чтобы остановить врага.

Глеб Тоцкий — аналитик Комитета по Внешним Угрозам, ищущий логику в экзистенциальном ужасе.

Дин МакФарес — кадет ВКС, которому суждено найти брешь в совершенном Порядке Константы.

Пока разведчик «Аргус» ищет ответы в межгалактической пустоте, а Комитет готовится ко встрече врага, человечеству

остается одно – нарушить симметрию Вселенной. Но какова цена равновесия?

Жесткий технотриллер в декорациях Содружества, где на кону не «прокачка» имплантов и скилов, а право оставаться живым человеком.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Рутинa Пустоты	9
Глава 2. Бриллиант в рваной оправе.	17
Глава 3: Призрачный сигнал	24
Глава 4. Полимерное надгробье	36
Глава 5. Шепот мертвого гиганта	46
Глава 6. Стерильный приговор	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эрик Лант

Протокол Константа: Теория Равновесия

Пролог

Безымянная система, затерянная в глубине неизведанного космоса, многие тысячелетия пребывала в ледяном безмолвии. Центральное светило – желтый карлик – миллиарды лет бесстрастно освещало этот закоулок вселенной. Его спокойствие нарушали лишь планеты, мерно летящие по устоявшимся орбитам, да кружащий астероидный пояс с миллионами тонн космической пыли, пойманной в гравитационные ловушки мертвых глыб. Лишь изредка идиллию нарушали незваные гости – крупные блуждающие астероиды и кометы, заглядывающие из глубин межзвездного пространства. Сюда никогда не пролегали торговые пути, и сканирующие лучи кораблей Содружества еще ни разу не касались этих девственных закоулков вселенной.

Из ниоткуда возник стремительный силуэт угольно-черного корабля. По его бортам пробежали фиолетовые волны возмущения защитных полей. Двухсотметровый рейдер, набирая скорость, взял вектор на центр системы. Его экипаж

выполнял особую миссию – вел разведку для дальнейшей экспансии своей расы, несущей Вселенной Абсолютный Порядок.

Внезапно Пустоту разорвали бесчисленные вспышки.

Пространство вокруг разведчика закипело. Из гиперпространства в непосредственной близости, ломая складки метрики и пренебрегая безопасностью, подобно саранче хлынул авангард Роя. Десятки обтекаемых, асимметричных кораблей-инсектов мгновенно перерезали векторы отхода, зажимая чужака в смертельное кольцо.

Космос наполнился смертоносным излучением, росчерками ракет и торпед разрушительной мощности. Защитные поля противников полыхали, принимая на себя сокрушительные удары. Броня неизвестного судна плавилась и кипела от попаданий биолучевого оружия инсектов. Хитиновые панцири Роя раскалывались или исчезали прямо на глазах, выбрасывая в вакуум замороженные биологические останки.

Пришелец пустил в ход главный калибр – биогауссовы курсовые установки. От попадания снарядов несколько крейсеров инсектов развалились на части, фонтанируя мгновенно закипающей гемолимфой и шлейфами замерзающих газов.

Бой был коротким и яростным. Чужое судно — шедевр инженерной мысли, представлявший собой монолитный симбиоз живого металла, переплетенных кристаллических жил и органических тканей — отчаянно огрызалось

невидимыми лучами, вычеркивая врагов из реальности десятками. Но Рой брал безжалостным, сухим числом, заваливая одиночку массами своих биокораблей.

Противники схлестнулись как извечные, одержимые ненавистью враги. Они рвали друг друга без оглядки на возможность собственной смерти. Чужаки были слишком опасны. Рой ставил в приоритет их уничтожение, не считаясь с потерями. Инсектам требовалось время, чтобы завершить экспансию в человеческие миры. Дать время ульям-маткам разлететься как можно дальше по рукавам галактики. Встреча с древним врагом прямо сейчас могла погубить всю их цивилизацию.

Перекрестный залп тяжелых орудий Роя пришелся точно в центральную секцию разведчика Константы. Корабль содрогнулся. Страшный взрыв разорвал его пополам, обнажив внутренние конструкции, похожие на исполинский позвоночник древнего ящера. Кристаллизованные нити нервной проводки, заменявшие чужакам кабели, мгновенно заиндевели.

В вывернутой наизнанку ходовой рубке, где воздух улетучился за доли секунды, экипаж понял: спасения нет. Они не знали страха перед Пустотой. Их совершенная биология – симбиоз углеродной органики и сложнометаллических соединений – позволяла выдерживать ледяной вакуум без средств защиты. Каждый из команды умел управлять биологическими процессами, замедляя метаболизм и погружая

тела в анабиоз.

Действуя по аварийному протоколу, выжившие отсоединили биологические разъемы от выгорающих портов корабля. Четырехрукие трехметровые гиганты с иссиня-черной обсидиановой кожей и их маленькие спутники-гуманоиды закрыли глаза и сложили руки на груди. Экипаж погрузился в анабиоз, запечатывая искры жизни на десятилетия. Умирающий корабль, выполняя последний приказ, окутал их тела защитным биополем, перешел в режим жесточайшей экономии энергии и начал транслировать в пустоту едва уловимый, вибрирующий эхо-сигнал.

Инсекты методично собрали обломки собственных подбитых единиц, уничтожая любые технологические следы своего присутствия, опасаясь ответного удара извечного врага. Изуродованный, лишенный энергии остов чужака их больше не интересовал – миссия была выполнена. Крейсера Роя перестроились и беззвучно ушли в гиперпространство.

Система снова погрузилась в мерный сон. Разорванный корабль дрейфовал в гравитационной ловушке астероидного пояса более пятидесяти лет никем не обнаруженный. До тех пор, пока на противоположной окраине безымянной системы не зажглись зеленоватые искры чужого прыжкового двигателя.

Глава 1. Рутинa Пустоты

Объектив широкоугольной камеры оптического мониторинга, закрепленный под потолочной панелью ходовой рубки «Аргуса-091», бесстрастно фиксировал обстановку центрального поста. В кадр попадали три эргономичных кресла, расположенные полукругом перед главным проекционным экраном, и каскады приборных панелей, мерцающих в мягком янтарном спектре. Навигационные индикаторы отражали штатные показатели: энергосистема работала на тридцати процентах базовой мощности, гравитационные компенсаторы удерживали атмосферное давление в жилых отсеках. На восьмом месяце автономного рейда дальний разведчик Девятого экспедиционного флота Аратанской империи функционировал в режиме строгой экономии ресурсов. Камера фиксировала легкую серую пыль в углах инструментальных переборок, которую уже не успевали отфильтровать изношенные системы регенерации воздуха, и замена фильтров уже не помогала.

Старый корабль был верной рабочей лошадкой. Внешне он походил на угловатое, хищное копьe с матово-серой броней, сплошь иссеченной глубокими шрамами от микрометеоритов и выжженной жесткими звездными ветрами. Внутри же «Аргус» представлял собой тесный лабиринт, где под нужды экипажа экономили каждый кубический сантиметр

пространства. Комфортом жертвовали безжалостно ради дополнительных топливных ячеек и резервных плат памяти.

В левом секторе рубки датчик сигнализировал о движении. Лейтенант Го Кан Тэ откинулся в ложементе навигатора, буквально утопая в каскаде зеленоватых голографических карт, и меланхолично жевал очередной энергетический батончик из сухого сублимированного рациона. Его пальцы при этом привычно и быстро порхали над физическими сенсорами, точно корректируя курс движения.

— Если по возвращении в цивилизованные сектора Содружества я увижу хоть одну банку армейского пайка, я расстреляю этот чертов синтезатор из ручного плазмера. Лично, в упор и с огромным удовольствием, — глухо подал голос лейтенант.

— Моя первая остановка на орбитальной станции «Новая Эрида» — нижний сектор аттракционов, у самых доков, — мечтательно продолжил лейтенант, прикрыв глаза. — Там в темных переулках есть один закрытый ресторанчик, «Старый По». Его держит один хмурый тип, по слухам — бывший штурман работорговцев, сбежавший от картеля. Так вот, я выверну карманы и съем столько настоящего, обжигающего ким-баппа и рисовых палочек току-покки, что меня придется заносить в лифт грузовой гравиплатформой. Настоящих, Артём! Из натуральных ингредиентов, которые привозят контрабандой с далекой дикой планеты, а не этой серой сублимированной пасты с химическим ароматизатором

«рис».

Капитан Артём Игнатов, лениво покачиваясь в массивном командирском ложементе, тихо усмехнулся. Он как раз изучал на громоздком планшете свежий отчет по состоянию главного реактора. Металлический корпус гаджета был исцарапан так густо, будто им долгие годы вскрывали консервные банки.

— Грузовую гравиплатформу и перерасход энергии на её работу придется оплачивать из твоих отпускных, Кан, — отозвался капитан, не отрывая взгляда от бегущих строк. — А я вот, признаться, мечтаю о самой простой, звенящей тишине. Знаешь, такой, где над ухом нет этого вечного, сводящего с ума гула систем жизнеобеспечения и вибрации ходовых реакторов. Сниму самый дешевый домик на Аркадии, у диких северных озер. Буду три недели просто сидеть на деревянном помосте и смотреть, как поплавок качается на воде. Говорят, туда завезли живую форель с какой-то дикой планеты. Невероятно редкая рыба. Пираты частенько таскают животных и семена с диких планет, продавая богачам за миллионы кредитов. Я читал об этой «рыбалке» в старых книгах и учебниках по выживанию для колонистов. Первобытный отдых, но мне чертовски хочется попробовать.

Камера зафиксировала открытие гермодвери. В рубку неторопливо вошла майор Анна Маркова — корабельный док и по совместительству мастер-оружейник. Она была в расстегнутом форменном кителе, под которым виднелась

простая, застиранная серая футболка.

— Опять вы о своих варварских развлечениях, капитан, — Анна заняла свое рабочее кресло оператора щитов и сенсоров дальнего действия. — Ваша Аркадия — это же тоска смертная. Я вот планирую взять полноценный тур на Ривьеру-Два. Белый искусственный песок под кварцевым куполом, запрограммированные морские волны и коктейли с бумажными зонтиками. И главное правило моего отпуска — ни одного предмета тяжелее бокала в радиусе мили.

— Ваше общее стремление к праздному, разрушительно-му гедонизму достойно отдельной, самой поучительной главы в моих будущих мемуарах, — раздался спокойный, чуть ироничный женский голос из центральных динамиков рубки.

Одновременно с этим в узком проходе между пультами материализовалась слегка колышущаяся голограмма женщины в строгом деловом костюме старого покроя и с виртуальным планшетом в руках — аватар корабельного искина Валери. Для визуализации цифровая дама выбрала образ тридцатилетней интеллектуалки в старомодных очках в роговой оправе. Этим нелепым, анахроничным аксессуаром она ненавязчиво подчеркивала свое ментальное отличие от обычных людей. Сама Валери отождествляла себя с независимой писательницей-публицисткой, вынужденной путешествовать в глубоком космосе с «этими неотёсанными мужланами» исключительно ради того, чтобы собрать уникаль-

ный материал для великой хроники экспансии Аратанской империи.

В регулярном линейном флоте подобные психологические выверты искусственного интеллекта пресекли бы военные инспекторы при первых же признаках. Но «Аргус-091» был исследовательской единицей, заброшенной в глухие сектора на долгие месяцы. Ради психологической устойчивости трех человек в условиях абсолютной изоляции искину намеренно открыли расширенные матрицы эмпатии и саморазвития. Функционал Валери, конечно, оставался жестко ограничен протоколами безопасности, но команда, которую искренне забавляли её литературные опусы, прощала виртуальной спутнице мелкие капризы и никогда не докладывала о них при плановых проверках.

— Валери, дорогая, ты опять подслушиваешь наши разговоры? — Анна Маркова вывела на свой монитор показатели телеметрии.

— Я не подслушиваю, Анна, я провожу контролируемое полевое исследование психологического состояния офицеров в условиях длительной сенсорной депривации, — отозвался искин, имитируя привычку поправлять очки. — Кстати, Артём, если вы действительно надеетесь на уединение, спешу вас расстроить. В моих базах данных есть информация, что на Аркадии сейчас начинается сезон миграции местных певчих жаб. Уровень шума на побережье доходит до восьмидесяти децибел. Ваша идиллия превратится в тра-

гедию в трех актах, как только вы откроете дверь флаера.

Игнатов громко фыркнул, раздраженно отмахиваясь от голограммы, которая так бесцеремонно разрушила его планы на идеальный отпуск.

Шестые сутки работы в этой системе подходили к концу. Экипаж буквально выворачивал сектор наизнанку, методично протоколируя каждый крупный булыжник. Кан Тэ проводил первичную картографию, выстраивая трехмерную модель гравитационных колодцев, чтобы будущие торговые караваны Содружества не влетели в неучтенный астероидный пояс.

Анна в это время пыталась чувствительные датчики дальнего действия, проводя экспресс-анализ планетоидов и минеральный состав астероидных полей.

— Вторая планета — пустая порода, силикаты, — сухо комментировала она, вбивая данные в реестр. — А вот третий газовый гигант... Валери, подтверди показатели. У луны «4-В» богатые залежи палладия и изотопов гелия-3. Промышленная ценность — категория «А-минус». Горнорудные корпорации из центральных миров передерутся за право аренды.

— Подтверждаю, Анна, — отозвался искин. — Глава шестая моей хроники: «Золотая лихорадка в неизвестности».

Артём Игнатов скоординировал этот поток данных и лично запечатал итоговый отчет криптографическим ключом. К вечеру по корабельному времени терабайты данных бы-

ли подготовлены к отправке с буюм связи через гиперпространство. Система официально классифицировалась как перспективная для промышленной добычи ископаемых. По возможности колонизации планет системы – бесперспективная и необитаемая.

— Всё, — Кан Тэ с громким хрустом потянулся в кресле, разминая затекшую шею. — Заключительная компиляция завершена. Отправка пакета на автоматический буй связи. Разведка закончена, капитан.

— Хорошая работа, — Артём устало провел ладонью по лицу, чувствуя жесткую щетину. Майору Игнатову недавно перевалило за седьмой десяток, и на фоне молодых членов команды – недавних курсантов – он чувствовал себя бывалым космическим волком. Его врожденная требовательность позволяла команде поддерживать дисциплину в долгом походе.

— Валери, курс на выход из гравитационного колодца. Прогрев маршевых. Предстартовая проверка гиперпривода.

Корабль плавно изменил вектор движения, подергивая соплами маневровых двигателей, и начал стремительно набирать скорость. По плану экспедицию ждали последние две неизведанные системы и путь домой к долгожданному заслуженному отпуску.

— Провожу проверку прыжковых двигателей. Достижение скорости перехода через десять минут, — голос Кан Тэ мгновенно стал профессионально-сухим. — Капитан, фик-

сирую прыжковый вектор. Сектор 4-12, следующая система — X-Зета-19/3.

— Принято. Анна, переведи турели в режим ожидания, проверь накопители. Прыжок по готовности.

Пространство перед «Аргусом» начало стремительно искривляться, далекие звезды превратились в смазанные, расплывчатые неоновые полосы. По корпусу прошла еле заметная вибрация от запуска мощного прыжкового двигателя, и разведчик провалился в зеленоватое зарево гиперпространства.

Глава 2. Бриллиант в рваной оправе.

На обледенелой окраине системы X-Зета-19/3 царило первозданное, ничем не нарушаемое безмолвие и холод. Крошечный, покрытый замерзшим метаном планетоид миллиарды лет плыл сквозь вакуум, оставаясь бесстрастным свидетелем абсолютной пустоты. Но в этот день темноту вакуума разорвала короткая, зеленоватая вспышка. Пространство на мгновение вывернулось наизнанку, и из схлопнувшегося гиперпространственного кармана бесшумно материализовался стреловидный корпус дальнего разведчика «Аргус-091». Подергивая маневровыми соплами, матово-серый корабль стабилизировал траекторию. Из маршевых дюз ударили факелы плазмы и пришелец начал свое равномерное погружение вглубь неизведанной звездной системы.

«Аргус-091» уже двое суток скользил по стационарной эллиптической орбите вокруг четвертой планеты. На главном обзорном экране ходовой рубки, занимая почти всё визуальное пространство, нежно сиял огромный голубой шар. Сквозь белоснежные кружева мощных циклонов отчетливо проглядывали очертания континентов, покрытых изумрудной зеленью. Планета медленно вращалась, подставляя теплым лучам желтого карлика свои бескрайние, девственные

океаны.

— Боже, это просто невероятно, — в который раз тихо выдохнула Маркова, не отрывая взгляда от данных спектрометрии. — Кислород — двадцать два процента, азот — семьдесят один. Гравитация просто идеальная — 0.94 от стандартной. Вода в жидком состоянии занимает почти две трети всей поверхности планеты. Это же настоящий класс «А-два-плюс». Рай в диком виде. Эта планета прекраснее Столицы...

— Корпорации глотки друг другу передерут за право долгосрочной аренды этого сектора и колонизации планеты, — у лейтенанта Го Кан Тэ от возбуждения блестели глаза, пока его пальцы привычно выводили на голографический стол карты высот. — Капитан, за одну только наводку на эту малышку нам выпишут такую премию, что мои правнуки будут летать на личных яхтах и жить в центральном районе Столицы. Мы нашли родную сестру Аратана, которая не нуждается даже в дополнительной фильтрации воздуха.

— Кажется, я знаю, как назову главу восьмую моей хроники: «Колыбель жизни за рубежом миров», — раздался из динамиков довольный голос Валери. Её голограмма заморожено подошла к самому краю проекции, глядя на вращающийся мир. — Планета девственно чиста. Ни одного структурированного радиосигнала. Никаких следов техногенной или разумной деятельности на поверхности и орбите. Благословенная тишина.

Экипаж работал в привычном, расслабленном ритме рутинного сбора данных. За двое суток вращение на орбите над девственными изумрудными лесами обнаруженной живой планеты напряжение долгих месяцев рейда отпустило людей. Казалось, что в этой спокойной сонной системе, породившей такой бриллиант, просто не может быть никаких опасностей. Капитан Игнатов уже мысленно подписывал рапорт об успешном завершении экспедиции, когда сенсорный комплекс дальнего обнаружения внезапно выдал резкий, прерывистый каскад тревожных сигналов высшего приоритета. На границе зоны обнаружения в правом верхнем углу проекции системы появился новый сигнал.

Панель перед Марковой вспыхнула предупреждающим багровым светом.

— Капитан, — голос Кан Тэ мгновенно потерял всю веселость, став сухим и растерянным. — Внешний астероидный пояс, сектор три. Активные радары зафиксировали маркер. Характеристики материала не соответствуют известным типам структур. Там тяжелые металлы и неизвестные сложные соединения. Датчики фиксируют излучение неизвестной природы... Оно вне привычного спектра техногенных излучений, больше похоже на биополе органических существ. Пульсирует в рваном ритме. Частота плавает – четко сигнал зафиксировать не получается.

Игнатов мгновенно подобрался, его хваленое ветеранское чутье, выточенное десятилетиями службы, заставило его на-

прячясь. Райская планета под ними внезапно показалась идеальной, смертоносной приманкой.

— Кан, аккуратно снимай нас с орбиты, — жестко командовал Игнатов, перехватывая штурвал ручного управления. — Идем на маневровых, прикрывая дюзы пассивными тепловыми экранами. Уведи корабль в тень вон того крупного астероида. Пусть нас надежно прикроет пара сотен метров монолитной породы. Валери, запуск разведывательных зондов «Око». Протокол «Стерильный контакт». Анна, бери на себя удаленное управление, работаем только пассивными сенсорами и оптикой высокого разрешения.

Дискообразные автоматические дроны бесшумно скользили в хаос астероидного поля, транслируя картинку на экраны рубки. То, что увидели разведчики, заставило всех нервно поежиться в ложементах.

В гравитационной ловушке, зажатый между безмолвными ледяными валунами, дрейфовал разорванный надвое двухсотметровый корабль. Это был пугающий остов, напоминающий полуразложившийся труп гигантского водоплавающего ящера с планеты Юртак. В месте страшного излома свисали заиндевевшие, кристаллизованные жилы похожие на сухожилия и сосуды. Обшивка, сохранившая обсидиановый отлив, напоминала толстую кожу носорога, покрытую панцирем. Но страшнее всего было то, что находилось рядом с обломками.

В ледяном вакууме дрейфовали тела. Оптические лин-

зы зонда «Око-1» медленно, метр за метром приближали замерший экипаж, увеличивая изображение. Это были гуманоиды неизвестной расы: четырехрукие великаны ростом под три метра и существа с привычной анатомией ростом с подростка, застыли со сложенными на груди руками. Их лица без масок и дыхательных аппаратов выражали абсолютное, безмятежное спокойствие. На обнаженных затылках чужаков зловеще темнели открытые биологические порты. Вокруг них пространство едва заметно колыхалось, искажая свет далеких звезд — непонятное поле защищало тела от осколков астероидов и солнечного ветра.

— Капитан, — голос Валери задрожал, а её голограмма пошла цифровыми полосами помех. — Излучение вокруг тел... оно агрессивно воздействует на мои логические блоки, искажая массивы данных! Я теряю стабильность матриц!

— Помехи нарастают по экспоненте! — выкрикнула Анна, её пальцы отчаянно летали над сенсорами, пытаясь удержать контроль над дронами. — Связь с «Ока-1» потеряна, зонд не отвечает на запросы, телеметрия еще поступает, но сигнал затухает! Это излучение реагирует на приближение искусственных объектов! Оно уже дотягивается до внешних контуров нашего корабля!

«Аргус-091» ощутимо содрогнулся. По приборным панелям и внутренней обшивке рубки побежали колкие статические разряды, от которых волосы вставали дыбом. Давящее аномальное поле неизвестной расы вызвало острую го-

ловную боль у людей, привыкших жить с нейросетью – компьютером в голове.

— Уводи корабль! Полный назад! — рывкнул Игнатов, решительным движением выжимая аварийный рычаг, отключая от управления искин и переводя корабль в ручной режим. — Выходим из пояса по баллистической траектории, пока эта волна окончательно не сожгла процессоры системы и наши мозги!

Маршевые двигатели разведчика взревели на пределе мощности, выбрасывая ослепительные километровые факелы плазмы из дюз и яростно выталкивая корабль прочь от опасного места.

Голубой шар Сестры Аратана всё еще маняще сиял в стороне, на четвертой орбите. Но теперь этот мир казался не новым Эдемом, а предвестником катастрофы.

— Мы должны немедленно уходить и доложить в Штаб флота и Комитет по внешним угрозам о находке, — Артём тяжело выдохнул, стирая холодный пот со лба. Руки ветерана на рычагах управления слегка дрожали. — Что по данным сенсоров?

— Корабль чужаков – это биометаллическая структура, симбиоз органики и металлов. Я не фиксирую никаких кремниевых чипов или биопроцессоров. Корабль не имеет единого вычислительного центра. Поле скорее всего защитное, но воздействует на всю электронику, в том числе на нанороботы, – доложила Маркова.

– Если флот таких кораблей придет в сектора Содружества... наш извечный враг — Рой — покажется нам малолетней шпаной, — высказал общий страх и опасения Игнатов. — Валери, прыжковый вектор на базу. Все данные на буй и запускай его немедленно. Рисковать информацией такого рода недопустимо.

Глава 3: Призрачный сигнал

Ремонтник третьего разряда Ник Соболю-Вар висел на сенсорной мачте в полукилометре от обшивки станции «Рубежа-12», опоясавшись страховочным фалом, восстанавливая перебитый метеоритом релейный кабель. Отсюда, из ледяной пустоты, пограничная станция Аратанской империи ничем не напоминала элегантные орбитальные города центральных миров Содружества. Этот грубый утилитарный монстр, побитый временем, изъеденный солнечными ветрами, покрытый шрамами сварных швов, заплат и вмятинами от приграничных стычек, медленно вращался на фоне багрового, тревожного сияния туманности Медузы. Здесь, на самой кромке обжитого человечеством космоса, лоск уступал место въедливой мазутной гари и запаху окалины, которые Ник чувствовал даже через фильтры скафандра, едва возвращался в шлюз. Как ни старались системы регенерации, воздух все равно отдавал этими въевшимися в сознание запахами с кислинкой чужой, накопившейся усталости.

Тишины в этих секторах не бывало никогда. Фронтир, несмотря на официальные заявления правительств об отсутствии боевых действий, кишел черными мусорщиками, мародерами и пиратами всех мастей. Эти стервятники пустоты кружили над заброшенными кладбищами старых сражений. Они тащили всё: от уцелевших артиллерийских боеприпа-

сов до редких изотопов и полусгоревших плат памяти, за которые на черном рынке платили хорошие деньги. Ситуацию усугубляли вечно грызущиеся в междуусобице Вольные Баронства, да аварские кланы, желающие потренироваться в стрельбе по мирным кораблям торговцев.

Для полковника Виктора Голицына каждый патрульный выход превращался в боевой поход и был личным вызовом. Он старался предотвратить попадания старого военного железа на черный рынок. Любая такая игрушка на окраинах империи была способна дестабилизировать весь сектор, погрузив Фронт в хаос анархии.

Голицын шел по центральному переходу жилого модуля, и металлический палубный настил гулко разносил звуки шагов от его тяжелых армейских сапог. В свои восемьдесят два года полковник казался живым, незыблемым памятником ушедшей эпохи: высокий, широкоплечий, с суровым лицом цвета базальта, иссеченным глубокими морщинами. Базовая медицина Содружества и регулярные посещения медкапсул после ранений позволили ему выглядеть на крепкие пятьдесят. Полковник принципиально откладывал процедуру глубокого омоложения, которая возвращала телу юность. Виктор словно боялся, что вместе со старостью регенерационные капсулы выжгут из его памяти ментальную связь с далекой Землей. В центральных системах Содружества встретить человека с седыми висками было невозможно — там все превратились в вечно молодых андрогинов. Но здесь во Фрон-

тире, на «Рубеже-12», ценилась не гладкая кожа, а опыт и нестигаемая воля.

Вик – так его окрестили работорговцы-аварцы – был одним из тех «землян», чье отрочество закончилось в трюме работорговцев. Тогда его, пятнадцатилетнего мальчишку, вывезли с родной планеты, безжалостно перепродавали и бросали из системы в систему. Три года каторжного ада на аварских рудниках навсегда вытравили из него легкомыслие. Чувство долга перед империей Аратан, солдаты которой освободили его из рабства, стало для Голицына религией.

Он прошел через адские десантные операции против Роя, потерял сотни боевых товарищей. Боевой офицер с его полслужным списком давно бы носил на погоне генеральские звезды, но его карьеру разрушила неискоренимая привычка резать правду-матку прямо в глаза любому начальству и отсутствие родственных связей. И теперь полковник отдавал свой долг тут – на забытой богом и адмиралами приграничной станции.

Через год-другой Виктор всё же планировал пройти курс омоложения, чтобы оставаться в строю, но душой он всё еще стремился быть самым собой — обычным человеком с планеты Земля, стареющим и мудрым.

— Опять хмуришься, Вик? Будто у тебя в ремонтном ангаре стоит не ударный эсминец, а бочка с гремучей ртутью, готовая разнести половину сектора, — прервал его раздумья полковник Марис Клавец, комендант станции.

Старый армейский друг Голицына стоял в дверях, встречая сослуживца. Их дружба ковалась в пламени сражений полувековой давности, когда они были плечом к плечу совсем зелеными юнцами вставали на пути полчищ Роя. Благодаря процедурам регенерации с лицом двадцатипятилетнего Марис годился Виктору в сыновья. Однако левая рука коменданта была заменена массивным механическим протезом старой модели.

Клавецу не повезло в одном из последних сражений с Ро-ем. Ему крепко досталось. Были повреждены нервные узлы. Из-за жестокого боя эвакуировать раненого вовремя не смогли, и капсула-регенератор оказалась бессильна. Восстановить конечность не смогла даже современная медицина. После той войны осталось много половинчатых бойцов. Вот и Клавец, получив свой протез, остался верен старой гидравлике, сохраняя память о войне и оставшихся там сослуживцах, отказавшись позже заменить его на совершенный биоимплант – практически точно копии настоящей конечности.

— Мусорщики снова активизировались в районе Трои, — Виктор переступил порог и тяжело опустился в потертое кожаное кресло, ощущая каждую, полученную за годы службы, рану. — Пытались вскрыть обгоревший остов старого фрегата. Искали термобарические заряды для торпедных аппаратов. Представляешь, что устроят пираты на торговых путях, если получают в свои руки такое оружие?

— Представляю, — Клавец поморщился. Он достал бу-

тылку старого бренди с Новой Эриды из сейфа и плеснул напиток в два увесистых бокала. Один он подтолкнул в сторону Голицына.

Кабинет коменданта больше напоминал склад военных трофеев: на полках и стенах, выставленные на показ, лежали куски хитинового панциря, обгоревшие навигационные планшеты, старые гильзы от скорострельных орудий и голофото бойцов, многих из которых уже давно нет в живых. Воздух здесь был насквозь пропитан запахом старой кожи и табачного дыма от стиков.

Комендант мог позволить себе расслабиться только на короткое время затычки. А регулярные посещения медицинской капсулы снимали все негативные последствия.

— Вторая эскадра ушла на проверку сигнала шахтеров о чужаках на дальней границе нашего сектора. Скорее всего, опять контрабандисты не поделили жилу и пугают друг друга старыми корытами, но игнорировать вызов нельзя. Третья в регулярном патруле границ с Аварских халифатом — беспокойно там сейчас. На несколько дней ты здесь за главного пожарного, Вик. Как много времени надо чтобы привести твои корабли в порядок?

— На «Грозном» меняют эмиттеры силовых щитов. На последнем патрулировании не обошлось без стычки с аварцами. Нужно хотя бы сорок восемь часов, чтобы люди отдохнули, а техники закончили работу и откалибровали орудия главного калибра. Ну пополнить боекомплект в артиллерий-

ских погребках необходимо... Часов двадцать точно понадобится.

Они просидели еще час, обсуждая острую нехватку квалифицированных инженеров и техников, которые предпочитали более спокойные внутренние системы Содружества, вечную задержку поставок комплектующих. Это был обычный вечер на пограничном аванпосте Фронтيرا — тишина, которая никогда не бывала абсолютной.

Чтобы лично проконтролировать ход ремонтных работ, Голицын спустился на ангарные палубы. Синие вспышки сварочных дронов отражались в матовой броне боевого корабля, создавая причудливую игру теней на обшивке станции. Тяжелые автоматизированные манипуляторы, похожие на лапы гигантских пауков, бережно удерживали многотонный корпус, пока техники вскрывали панели и проводили юстировку узлов. Силовые щиты «Грозного» были полностью погашены для замены эмиттеров. В такие моменты корабль оставался наиболее уязвимым для всякого мусора, поэтому автоматические системы противокосмической обороны станции работали с максимальной нагрузкой испепеляя любой обломок, приблизившийся к ремонтной зоне.

Виктор Голицын стоял на обзорной палубе, наблюдая за процессом. Его эскадра была его единственной семьей. Экипаж эсминца составлял всего двенадцать человек — элита, каждый из которых стоил десятка других операторов. Но основной страх пиратов скрывался в десантном отсеке: при-

командированная абордажная партия из восемнадцать бойцов в тяжелых экзоскелетах и двадцать четыре штурмовых кибера. Эти машины убийства сейчас застыли в своих зарядных боксах, проходя диагностику нейромодулей. Плановое обслуживание после рейда требовало времени, и в случае тревоги оперативно стартовать могла лишь группа быстрого реагирования, которая уже ушла по вызову. Случись что и «Грозный» сможет покинуть док не ранее чем через сутки работы техников.

— Полковник, установка новых эмиттеров на левом борту практически завершена, — доложил по нейролинку старший техник смены. — Юстировка займет еще пару часов. Советую провести дополнительную калибровку параллельной работы. Это повысит эффективность и возможность точной настройки.

— Принято, — Вик сверился с графиком. — Десанту — начать проверку снаряжения и личного оружия. Киберов не трогать до завершения тестов и зарядки.

Рутина текущего ремонта была прервана.

Над станцией, заставляя вибрировать декоративные панели, взревели пронзительные баззеры. Вспыхнул багровый свет боевой тревоги. Электронный голос автоматической системы оповещения бесстрастно отчеканил: «Внимание всем постам. Тревога. "Код-Один". Всем занять места согласно боевого расписания».

Этот вой буквально вгрызлся в череп, заставляя людей

ускоряться. В голове Голицына мелькнула короткая мысль: «Накаркал». Гермодверь обзорной палубы с шелестом отъехала и в проеме показался взволнованный комендант. Его механическая рука издавала тревожный гул от избыточного давления.

— Так и знал, что ты здесь! — прохрипел Клавец. — Из системы Берилл-05/5 получен сигнал «SOS-Критический» от рудного конвоя корпорации «Гефест». Сектор 7-G. Нападение. Наш пост принял их экстренную подпространственную передачу. Слушай.

Марис ткнул пальцем в экран армейского планшета. Из динамиков повалил плотный поток радиостатики, сквозь который пробивался голос, полный ледяного, почти неживого ужаса. Капитан тяжелого транспорта «Рамус» не кричал — он шептал, и этот шепот, прерывающийся от хрипа, был страшнее любого крика:

«...объект появился прямо перед нами из ниоткуда! Слышите? Никаких возмущений пространства или гиперпространственных аномалий!.. Одиночный корабль... черная жемчужина!.. На запросы идентификатора не отвечает! Идет нам на перерез!.. Силовые щиты активированы, но его излучатели просто проходит сквозь него, щиты бесполезны! Он стреляет... это не снаряды. Что за черт!.. Обшивку просто исчезает! Это кон...»

Запись оборвалась страшным, оглушительным грохотом разрываемой и скручиваемой стали и взрывной декомпрес-

сии, после чего в динамиках воцарилась мертвая тишина. Голицын почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холодок, которого он не ощущал со времен войны с инсектами.

— Внимание всем службам! — голос Голицына по закрытому каналу штаба был подобен удару кнута. — Полученную информацию засекретить. Ввожу "Протокол Сокрытия: Грейд-1". Все переговоры по внутренним защищенным кабельным сетям в режиме полного радиомолчания. Никаких утечек в гражданские сектора! Что-то меня насторожил этот капитан, Марис, — уже тише добавил Виктор.

Оба полковника прекрасно понимали: если по станции поползет слух о неизвестном враге, который игнорирует силовые щиты, в гражданских секторах начнется панический хаос.

— Вик, сигнал пришел с задержкой, — полковник Клавец наморщил лоб, настраивая планшет. — Факт гибели конвоя уже зафиксирован. Спасать там, скорее всего, уже некого, мы физически не успеем. Но необходимо проверить и разобраться что же все-таки произошло. Не нравится мне эта запись — трудно поверить во все это... Когда эскадра сможет стартовать?

— Мы выйдем, как только закончат ремонт и корабли смогут сражаться. Переводи техников на авральный режим работы. Срок готовности — восемь часов, — Виктор быстрым шагом направился к выходу. И уже по экстренному каналу связи со своими бойцами начал раздавать приказы: Де-

санту — проверка амуниции и скафандров. Погрузка на борт через семь часов тридцать минут по штурмовому протоколу. Боевых киберов активировать прямо на платформах. Надеюсь, успеют закончить их проверку. Единицы, которые не успеют ее пройти остаются в ангаре.

— Это же жесткое нарушение протоколов безопасности! — крикнул Марис ему вслед, но уже активировал на своем терминале коды авральных инженерных работ.

Срезать время сложнейшего технического ремонта боевого корабля в три раза оказалось задачей на грани человеческих возможностей. Через восемь часов фрегаты пограничной флотилии уже отстыковались и замерли в пустоте у корпуса станции. А эсминец «Грозный» всё еще удерживался магнитными захватами ремонтных стапелей. Инженеры отчаянно вымаливали у полковника каждую дополнительную минуту.

Внутри эсминца творился контролируемый хаос. Десантники в тяжелой броне бежали по коридорам, гремя снаряжением и занимая места в предстартовых разгонных капсулах. Штурмовые киберы, пробуждаясь от программной спячки, синхронно поворачивали безликие металлические головы, и их оптические датчики наведения вспыхивали холодным алым светом. Техники в доке, работая на пределе сил, лихорадочно крепили последние листы внешней брони и на ходу прописывали алгоритмы для только установленных эмиттеров щитов.

— Десятиминутная готовность! Мы сделали всё, что могли, полковник, Сэр! — С опозданием в двадцать минут доложил старший техник смены.

— Вахтенный, начать предстартовую проверку всех систем! — скомандовал Виктор, решительно занимая массивное командирское кресло на возвышении в центре боевого поста. — Скат, расчет прыжка в систему «Берилл-05/5». Точность выхода: один. Дистанция: плюс одна тысяча километров.

— Расчет вектора прыжка окончен, — отозвался искин Скат. Его синтезированный голос прозвучал из потолочных динамиков рубки без малейших интонаций. — Рекомендуемый вектор разгона обозначен на тактической проекции. Корпус зафиксирован магнитными захватами дока — выход на вектор разгона невозможен.

— Жди команды, — полковник поерзал в ложементе, поправляя страховочные ремни. — Вахта, готовность к старту пять минут. Передать расчетные траектории на фрегаты. Выйти на вектор разгона. Объявить по кораблю готовность «Раз». Команде — по местам стоять! Уход в гипер по расчетному времени.

Когда последний техник покинул ремонтный док, «Грозный» медленно высвободился из магнитных тисков. Сварные швы на внешней броне еще остывали, излучая в пространство слабое призрачное свечение, а откалиброванные в спешке эмиттеры ощутимо вибрировали, слегка искажая за-

щитное силовое поле. Следом за флагманом на курс встали фрегаты «Стремительный», «Вега» и «Коршун».

— Выход на вектор разгона, — тихо скомандовал Виктор, мгновенно входя в привычный ледяной боевой ритм. — Гипер — триста секунд.

Пространство перед кораблями Аратана исказилось, полыхнуло зеленовато-белыми искрами, и флотилия ушла в прыжок, оставляя «Рубеж-12» в тревожном ожидании. Цена аврального ремонта могла оказаться высока, но судьба уже сделала свой ход.

Глава 4. Полимерное надгробье

Выход пограничной эскадры из гиперпространства в системе Берилл-05/5 сопровождался яростными вспышками, а по системе прошла волна гравитационного возмущения.

Из-за авральной работы техников и поспешной калибровки навигационный комплекс «Грозного» выдал неизбежную погрешность в несколько тысяч километров. Эсминец вывалился в реальность с оглушительным гравитационным стоном конструкций, который чувствовался на уровне костного мозга. Следом, с интервалом в секунды, из окна гиперперехода вынырнули три фрегата. Они мгновенно разошлись широким веером, согласно боевому ордеру «Охотник», активно нагнетая защитные поля и переводя турели в режим ручного контроля пространства.

Полковник Виктор Голицын, пристегнутый к командирскому ложементу, тяжело выдохнул, сглатывая горький, химический привкус озона. Перед глазами все еще плавали мутные оранжевые пятна — побочный эффект нестабильного прыжка. Но гораздо хуже была резкая, сверлящая боль в затылке. Из-за спешной, грубой калибровки навигационных систем в момент перехода импланты и нейросети экипажа испытали мощнейший сингулярный удар. Виктор про себя пообещал устроить разнос инженеру ремонтной бригады по возвращении на базу.

На периферии зрения Голицына тревожно мерцали багровые строчки системных предупреждений: внутренний интерфейс сигнализировал о критической рассинхронизации ментальных контуров с бортовым вычислителем. Офицеры на мостике морщились, прижимая ладони к пульсирующим вискам. Прошло двое суток с момента гибели рудного конвоя корпорации «Гефест». Два дня, которые в суровых условиях Фронтира могли означать вечность.

— Доклад! — хрипло скомандовал полковник, преодолевая накатывающую тошноту. — Боевая готовность номер один. Развернуть сенсорную сеть в активном режиме.

На центральном обзорном экране развернулась трехмерная проекция ближнего космоса. Раздувшийся красный гигант, умирающее солнце системы Берилл-05/5, занимал добрую треть небосвода, заливая рубку и лица офицеров тревожным, тяжелым светом цвета запекшейся крови. В этом мареве всё казалось нереальным, зыбким: длинные тени астероидов выглядели как провалы в бездну, а матовая броня кораблей эскадры отливала адским рубином. Обстановку усугубляли неотлаженные эмиттеры силовых щитов «Грозного». Их низкий, натужный вой заставлял переборки мелко вибрировать. Этот зуммер отдавался зубной болью и сбивал калибровку имплантов, многократно усиливая мигрень.

— Выход завершен, сэр! Имеется незначительный навигационный дрейф, — голос лейтенанта Равича, вахтенного офицера, дрожал от напряжения, пока его пальцы летали

по сенсорной консоли. — Эскадра готова к бою. Дистанция до точки последнего зафиксированного пеленга аварийного буя «Рамуса» двадцать семь тысяч километров. Системы стабильны, оружейные системы приведены в боевую готовность. Щиты на максимуме.

— Что на радарях? Дай мне картинку! — Виктор подался вперед, преодолевая накативший приступ мигрени.

— Сенсоры не фиксируют ни одного сигнала. Система абсолютно пуста, — оператор радарных систем лихорадочно щелкал настройки, но его терминал выдавал лишь цифровой шум фонового излучения звезды. — Мощность сканирующих систем на максимуме. Инфракрасный спектр без аномалий, гравиметрия чиста... Сигналов не обнаружено. Не вижу даже обломков. Никаких тепловых следов от реакторов, никаких высокочастотных излучений. Мы в системе совершенно одни, Сэр.

Голицын нахмурился, и его базальтовое лицо стало еще суровее. Внутри нарастало липкое беспокойство. Космос не может быть чистым после такой бойни. Пять тяжелых рудовозов и два корвета охранения — это сотни тысяч тонн титана, броневой стали, композитов и электроники. Если бы их разнесли в щепки, система на километры была бы забита искореженными обломками, кристаллизовавшимися газами и фонящими остатками реакторов. Но на экранах царила пугающая, хирургическая стерильность, противоречащая его многолетнему опыту.

— Идем малым ходом к точке последнего пеленга конвоя, — приказал Виктор, поудобнее размещаясь в ложементе. — Всем постам — максимальная бдительность. Десанту — красная готовность. Штурмовых киберов в режим ожидания.

Чем ближе корабли эскадры подходили к нужной точке в пространстве, тем больше странностей фиксировала чувствительная аппаратура. Главный обзорный экран выдал увеличенную, оцифрованную картинку.

Там, где космос должен был быть насыщен мириадами осколков и фрагментов кораблей в пустоте медленно расширялось полупрозрачное туманное облако частиц, рассеивающих багровый свет умирающей звезды.

— Спектральный анализ этой туманности! Срочно! — рявкнул Вик. — Скат, классифицируй аномалию впереди.

— Обнаружено облако микрочастиц... — с секундной задержкой, отозвался Скат. — На девяносто восемь... процентов состоит из полим-м-м... еров, — продолжил, запинаясь, бортовой искин (для удобства чтения текст идет без задержек — прим. автора). — Спектральный анализ показывает высокую концентрацию синтетических смол и полиэтилена. Молекулярный состав аналогичен веществам, использованным при строительстве кораблей Содружества. Органика, металлы и углерод в данном секторе содержатся в крайне незначительном количестве и соответствует фоновым значениям глубокого вакуума.

— Только полимеры?.. — Виктор медленно поднялся с кресла, его магнитные сапоги гулко простучали по металлу палубы. Он вглядывался в бегущие строчки данных. Командный имплант, обрабатывая потоки данных от искина, отзывался новыми вспышками боли. Голицын проигнорировал их. — А где металлы? Где куски бронеплит и силовые балки? Где, черт возьми, хотя бы одна долбаная заклепка?

— Цельнометаллические элементы отсутствуют, полковник, — повторил искин. — В самом центре полимерного облака фиксируется медленно затухающее остаточное излучение неизвестного генеза.

Виктор Голицын сжимал и разжимал кулаки, а после запустил руку в волосы. Это выходило за пределы военной логики. Рой безжалостно поглощал органику, но оставлял искореженную обшивку дрейфовать в пустоте. Пираты забирали груз и ценное оборудование, бросая команды замерзать в безвоздушном пространстве.

Неизвестный противник действовал принципиально иначе: металл будто поглотили без остатка. С таким полковнику, да и никому другому из людей, сталкиваться не приходилось. Это было непонятно и от этого пугающе.

Голицын предположил, что оружие чужаков волновое. В противном случае какие-то фрагменты от разрушенных кораблей все равно остались бы, разлетевшись под воздействием кинетической энергии. Чужаки провели жесткую ревизию, в которой и корабли, и люди оказались лишь упаковкой

при извлечении ценных материалов.

Теперь встает два вопроса: первый – как им удалось так чисто за собой прибрать и второй – куда они подевались? Сенсоры не фиксируют следов открытия гипертуннеля из системы последние четверо суток. Да и след входа в систему только от кораблей конвоя и их собственные. Эти загадки решить на месте не удалось, и Виктор решил оставить их для штабных аналитиков.

— Командующий, следов присутствия противника в системе не наблюдаем. Радары не фиксируют следов нарушения метрики пространства, — Равич медленно повернулся к командиру, его лицо выражало растерянность, а глаза налились кровью от нарастающего резонанса нейросети. Оборудование грозило вызвать тепловой шок нервных узлов. — Система не фиксирует следов гиперпереходов в отведенный промежуток времени, кроме отметок кораблей конвоя «Гефеста».

— Мы не можем уйти, так и не получив никакой информации о нападавших, — Голицын сжал кулаки так, что хрустнули суставы и несколько раз сильно зажмурился, отгоняя пронизывающую головную боль.

«Если Штаб получит рапорт о том, что семь кораблей бесследно исчезли без веских доводов о наличии инопланетного присутствия, они спишут всё на пиратов или банальную ошибку в расчетах навигаторов, заведших корабли в центр звезды. Я нутром чую, этих тварей стоит опасаться сильнее

Роя», – мрачно подумал Голицын.

– Вахтенный, приказ по эскадре... Отойти на расстояние в сто тысяч километров от излучающей аномалии. Начать по-секторное сканирование. Обыскать каждый астероид в системе, каждую глыбу крупнее истребителя. Ищите остаточное излучение, любую крошку чужеродного материала, за которую зацепятся наши аналитики. Выполнять.

Корабль послушно нырнул в сторону внешнего пояса астероидов. Вся команда с облегчением почувствовала, что головные боли начали ослабевать. Искин и системы электроники заработали в штатном режиме, избавившись от цифровых шумов и помех.

Следующие двадцать часов превратились для экипажей пограничной эскадры в изнурительный марафон. Корабли рыскали среди безмолвных глыб пояса астероидов, выжимая из реакторов терабайты энергии на работу поисковых устройств. Датчики показали: чем дальше эскадра углублялась в пояс, к границе системы, тем сильнее аномальное излучение туманности действовало на людей и технику. Судя по датчикам интенсивность его со временем снижалась, но воздействие оставалось весьма сильным.

На двадцатый час непрерывной вахты на мостике начался настоящий кошмар. Неоткалиброванные эмиттеры щитов вошли в резонанс со скрытым полем чужаков. Статические наводки усилились настолько, что по экранам поплыли фантомные изображения, а шрифты навигационных интер-

фейсов стали двоиться и искажаться. У операторов с прямым подключением через импланты начались галлюцинации и сбои в работе нейромодулей. Остальные же страдали от сильнейших головных болей и штатные аптечки уже не могли купировать эти проявления.

Перед глазами пилотов то и дело вспыхивали чужеродные символы, напоминающие причудливо переплетающиеся светящиеся нервные волокна. На периферии зрения по углам рубки мерещились размытые, многорукие фигуры гуманоидов, а на языке ощущался металлический привкус свежей крови — баг нейросетей, вызванный хаотичным сбросом данных в зрительные зоны коры головного мозга. Людей тошнило, острая мигрень сковала волю экипажа и рассеивала внимание, заставляя операторов по десятки раз перепроверять показания сканеров. Багровый, тяжелый свет звезды делал тени обманчивыми и жуткими.

Еще через несколько часов голос лейтенанта Равича стал совсем сиплым, безжизненным и сорванным:

— Сэр, приказ выполнен. Эскадра провела тотальное сканирование определенного сектора поиска. Система стерильна как после коллапса звезды. Не удалось обнаружено никаких следов присутствия кораблей нападавших, ни обломков. Зафиксировано только это расширяющееся облако полимеров в предполагаемой точке боестолкновения, которое прямо сейчас окончательно рассеивается под воздействием солнечного ветра. Больше здесь ничего нет.

Голицын медленно подошел к висевшей в центре рубки голографической проекции системы, зажимая пульсирующий от боли висок. Красная гигантская звезда заливала рубку своим кровавым, зловещим сиянием, окрашивая всё вокруг в багровые тона. В этом свете ветеран выглядел гораздо старше своих лет, на лице проступила смертельная усталость. Он только что осознал, что всё, чему его учили и опыт долгой службы, больше не работает. Что человечество столкнулось с чем-то необъяснимым, что заставляло его – ветерана, прошедшего мясорубку войны с Роем, чувствовать липкий холодок страха между лопаток.

— Они просто исследуют территории, — чуть слышно пробормотал полковник, глядя в багровую пустоту. — Проводят ревизию ресурсов и изымают их. Мы — лишь дешевая упаковка для ценного материала.

— Реакторы корабля работают в штатном режиме, активные сенсорные поля свернуты, — доложил искин. — Навигационный комплекс готов к прыжку. Жду координат выхода.

— Уходим на базу, — Виктор тяжело, со вздохом опустил-ся обратно в командирский ложемент, переводя в пассивный режим сбоящую нейросеть, чтобы прекратить пытку головной болью. Он даже не понял, что все время в системе стоял на ногах. — Курс на станцию «Рубеж-12». Лейтенант Равич, запишите в рапорте для Штаба сектора: противник обладает неизвестными технологиями молекулярного расщепления и поглощения материалов на значительной дистанции

с использованием, предположительно, оружия волнового характера воздействия. Признаков активности Роя в секторе не обнаружено. Угроза классифицируется как наивысшая, Корабль чужаков способен к мгновенному поглощению материи. Конец. Начинаем разгон.

Эскадра Аратана начала синхронный разгон, и через мгновение матово-серые корабли один за другим исчезли во вспышке гиперпространственного перехода, оставляя за собой стерильную, багровую пустоту. Эта абсолютная тишина кричала об опасности для человечества громче любого баззера боевой тревоги.

Глава 5. Шепот мертвого гиганта

После первого шока, вызванного видом изувеченного биомеханического остова, в рубке «Аргуса-091» воцарилась рабочая атмосфера. Капитан Артём Игнатов, медленно выдохнув сквозь зубы, заставил себя разжать кулаки. Страх перед неизведанным — худшее испытание для офицера дальней разведки. Их находка способна в одночасье переписать академические учебники истории и изменить научные постулаты Содружества.

— Отставить панику, — голос Игнатова прозвучал сухо и властно. — Кан, удерживай нас в гравитационной тени астероида. Мы должны закончить разведку системы и самое главное – собрать всю возможную информацию об обнаруженном корабле и неизвестной расе. Валери, переведи все текущие и последующие записи в специальный архив. Весь массив информации по системе X-Зета-19/3 – под гриф «СЕКРЕТНО». Пусть большие чины в Адмиралтействе разбираются, что с этим делать дальше.

— Выполнено, капитан, — отозвался искин. Её голографический аватар теперь выглядел подчеркнуто собранным. Ироничный блокнот в виртуальных руках сменился мерцающим тактическим планшетом. — Глава одиннадцатая моей хроники: «Анатомия неизвестности». Я готова к официальному протоколированию.

На дистанционные исследования остова чужого корабля и оставшейся части системы потребовались долгие четверо суток. Это были самые напряженные часы в жизни экипажа, вымотавшие людей до предела. Помня о том, как мгновенно погиб первый дрон, Игнатов запретил любые физические контакты с обломками. «Аргус» осторожно кружил вокруг мертвой конструкции на безопасной дистанции в сто километров, используя всю мощь своих многочастотных сенсоров и оптических комплексов для проведения исследований.

Анна Маркова не покидала кресла оператора сенсоров. Её задачей был дистанционный экспресс-анализ с использованием всех доступных анализаторов — единственное, что они могли себе позволить, не рискуя подставиться под волновой удар. На исходе четвертых суток на границе периферийного зрения заморгал зеленый индикатор нейросети, сигнализируя о завершении обработки полученных данных.

— Капитан, результаты экспресс-анализа по телам малых существ готовы, — Анна вывела на центральный голографический терминал сложную, мерцающую гистограмму. — Это абсолютно за гранью нашего понимания биологии и всего, что есть в базах знаний по анатомии Содружества. Их кожа плотная, обсидианово-черная, она буквально насыщена тяжелыми металлами и сложнейшими углеродными цепочками. Это не просто естественная эволюционная защита от космической радиации. Их тела устроены как живые микросхемы. Кристаллизовавшиеся нервные окончания из сверх-

проводящих сплавов на молекулярном уровне проникают в живую плоть. Судя по всему, клетки тела также содержат разнообразные металлы в значительно большем количестве, чем у нас. Трудно сказать, чего в их телах больше: органики или соединений металлов.

— А что по гигантам? — Игнатов мрачно вглядывался в трехмерные макроснимки дрейфующих в вакууме четырехруких существ. В неверном свете звезды их обсидиановые тела отливали холодным свинцовым блеском.

— У них иная, невероятно плотная структура мышечных волокон. Плотность биологических тканей почти в четыре раза выше человеческой. Спектральный анализ выдает, что скелет существ состоит на девяносто процентов из металла. Я раньше не встречала такого строения организма. По сути, они имеют два скелета: один наподобие нашего, а второй — это своего рода панцирь из пластин непосредственно под кожей.

Но что меня действительно смущает и пугает — это биополе обоих видов. Даже мертвые тела имеют мощное биополе, сохраняя отчетливый остаточный резонанс. Их ДНК... Валери, помоги мне сформулировать, здесь не хватает стандартных медицинских терминов.

— Квантовая печать, — подал голос искин, протирая помутневшие линзы своих виртуальных очков, перемежаясь рябью цифровых помех. — Их генетический код не просто несет наследственную информацию, он на физическом уров-

не структурирует окружающее пространство вокруг себя.

— Да. Квантовая печать. Спасибо, Валери, — Анна продолжила свой краткий доклад. — Переходим к кораблю. Спектральный анализ обломков полностью подтверждает первоначальную догадку: металл и плоть здесь едины. Мои алгоритмы анализа не могут определить четкую границу, где заканчивается броневой сплав обшивки и начинается биологическая структура. Это совершенный симбиоз. Корабль выращен или построен по неизвестной технологии. Он чем-то напоминает бионический протез. Только не какой-то части тела, а всего организма за исключением мозга.

Лейтенант Го Кан Тэ в это время завершал картографирование системы. Его отчет по небесным телам и заманчивой изумрудной планете класса «А-два-плюс» теперь выглядел лишь блеклым, неважным фоном для главной, зловещей находки. Биополе чужаков давило на нервную систему навигатора, подключенного к датчикам корабля через имплант, и вызывало перед его глазами странные образы. Го Кан определил природу аномального излучения, которое так их взволновало вначале, а теперь уже пугало. Это был не осознанный сигнал бедствия или зов о помощи, а угасающий выброс энергии мощнейшей нейронной системы, которая продолжала медленно умирать вместе с искалеченным кораблем.

— Собрать физические образцы обшивки или тканей не удастся, — подвел итог Игнатов, глядя на то, как второй ис-

следовательский зонд «Око-2» едва не потерял ориентацию в пространстве, случайно попав в зону активного поля рядом с разломом чужого корпуса. — Любая попытка захвата даже крошечного фрагмента приведет к мощному резонансу, который просто выжжет нам всю бортовую электронику. Мы забираем только сухие цифры. Валери, сворачивай системы сканирования.

На исходе пятых суток работа была полностью завершена. В защищенных платах памяти искина хранились терабайты ценнейших, уникальных данных: детальные спектрограммы тканей, трехмерные проекции тел, модель корабля и схема сопряжения нервной системы чужаков с кристаллическими интерфейсами корабля, химический состав «живой» брони и поминутные записи тех самых волновых всплесков, которые намертво глушили связь и наводили помехи на нейросети при работе в сопряжении с системами корабля.

— Итоговый отчет сформирован, капитан, — Валери посмотрела на Игнатова серьезным взглядом цифровых проекций глаз, в которых бегали разноцветные пиксели помех. — Пакет зашифрован и подготовлен к отправке через автономный буй сверхдальней связи. Я приложила свои аналитические комментарии о потенциальной тактической угрозе. Согласно общим инструкциям Экспедиционного флота, я обязана классифицировать эту расу с формулировкой: «Наивысший приоритет. Неизвестный противник».

— Запускай буй, — устало скомандовал Игнатов, поти-

рая виски. — Готовь корабль к старту. Уходим отсюда. Дождаться подтверждения приема от ретранслятора не будем. Мы и так тут задержались неприлично долго. Если живые корабли этой расы где-то есть, они рано или поздно придут на этот «шепот» своих мертвецов.

Недавние радостные мечты экипажа об отпуске у тихих озер на Аркадии или ресторанах Новой Эриды теперь казались чем-то бесконечно далеким, зыбким и нереальным.

Тяжелый автоматический буй дальней гиперсвязи глухо отстрелился от борта и ушел в черноту космоса, набирая скорость для ухода в подпространство. Вместе со звуком стартовавшего буя из рубки будто откачали весь воздух. Люди непроизвольно начали сглатывать слюну, пытаясь избавиться от внезапного сухого спазма в горле. В наступившей гнетущей тишине каждому на мостике казалось, что за ними из темноты наблюдают тысячи невидимых металлизированных глаз.

— Кан, ложись на курс, — Игнатов тяжело опустил в свое капитанское кресло, чувствуя груз ответственности за судьбу экспедиции и Содружества. — Конечная точка маршрута — база приписки «Орион». Выжимай из маршевых двигателей максимум. Идем на точку безопасного прыжка. Прыжок сразу по выходу на расчетный вектор.

— Слушаюсь, капитан. Разворот завершен. Курс на «Орион» зафиксирован в навигационном комплексе, — Кан Тэ торопливо забегал пальцами по невидимой для других чле-

нов команды виртуальной панели управления.

«Аргус-091» медленно отвернул матово-серый нос от изумрудной планеты, которая еще несколько дней назад казалась им новым Аратаном. Корабль начал мощный разгон, оставляя позади систему Х-Зета-19/3, превратившуюся из величайшего приза в предвестника грандиозного шторма галактического масштаба.

— Глава двенадцатая, — тихо произнесла Валери, глядя на удаляющиеся на экранах обломки чужаков, прежде чем её голограмма растаяла в воздухе. — «Возвращение вестников». Мы возе́м домой вести о войне, которую никто в Содружестве не ждал.

Капитан Игнатов ничего не ответил своему искину. Он молча смотрел на зеленые показатели работы реактора, молясь лишь о том, чтобы старый гипердвигатель работал безупречно. Им нужно было предупредить Империю и все человечество раньше, чем чужие корабли встанут на орбитах обитаемых миров.

Глава 6. Стерильный приговор

В доках станции «Рубеж-12» не было привычной суеты, сопровождающей прием кораблей после рейда. Кораблям не требовался ремонт, пополнение боекомплекта, медики и безопасники не ожидали раненых и задержанных. Эскадра вернулась невредимой, но экипажи были подавлены. Стерильная пустота на месте исчезнувшего конвоя в системе Берилл-05/5 погрузила людей в сильнейшую апатию.

Полковник Виктор Голицын покинул борт «Грозного» одним из первых. Он не стал задерживаться на палубе для привычного разбора полетов с командирами эскадры и абордажных групп. Его тяжелые, размеренные шаги гулко отдавались по металлическому настилу и далеко разносились по коридору, ведущему к административному сектору. Лицо Виктора, напоминавшее кусок выветренного гранита, сегодня казалось серым от скопившейся усталости и плохо скрываемого гнева. Он направлялся напрямик к Марису Клавецу.

В кабинете коменданта станции пахло дорогим табачным дымом от стиков и легким ароматом полыни, который хоть как-то перебивал въедливый, вечный запах озона. Марис не находил себе места: пепельница на краю стола была доверху забита использованными стиками, а навигационные карты сектора 7-G на главном терминале были исчерчены тревожными пометками. Увидев друга, Клавец мгновенно под-

нялся. Его гидравлический протез издал резкий звук, когда он до упора сжал металлические пальцы в кулак.

— Ну? — Марис не стал ходить вокруг да около, сразу наливая в два тяжелых стакана янтарный бренди. — Операторы поста контроля засекли ваш выход из гипер. Ты вернулся значительно раньше расчетного времени. Что с рудным конвоем «Гефеста»? Смогли выловить нападавших? И что за чертовщина в твоём кратком рапорте?

Виктор молча принял стакан и тяжело опустил его в глубокое кресло, не снимая офицерской фуражки. Он не стал пить сразу, а лишь угрюмо смотрел, как блики света играют в янтарной жидкости. За время рейда под его глазами залегли глубокие черные тени.

— Конвоя больше нет, Марис, — голос Голицына прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. — Ничего не осталось. Мы не нашли ни одной спасательной капсулы, ни единого бортового самописца, хоть чего-то существенного. Обшарили каждый сантиметр чертовой системы. Заглянули под каждый камень, просветили радаром каждую тень под этой проклятой красной звездой. Пусто. Нет ни намека на обломки, как будто это был розыгрыш. Однако следов открытия гипертоннеля мы также зафиксировать не смогли.

Клавец застыл, не донеся стакан до рта. Его лицо вытянулось от изумления.

— Пираты не могли забрать всё, Вик. Ты сам это прекрасно знаешь. Даже если они увели транспорты — что само по

себе задача для целого флота, — от корветов охраны должны были остаться обломки. Реакторный след, радиоактивное облако, куски обшивки... Космос не проглатывает сорок тысяч тонн стали без следа.

— Это не пираты, — Виктор поднял на друга тяжелый взгляд своих свинцовых глаз. — Пираты — стервятники, они обдирают мясо. А эти сожрали сами кости. В точке последнего пеленга мы обнаружили лишь расширяющееся облако микрочастиц полимерного происхождения. Пластик, композиты, распыленные остатки внутренней отделки судов. И ни одной частички металла. Ни одного вольфрамового сердечника из тех, что были в арсеналах корветов охраны. Все металлы растворились, будто проглотил кто-то.

Марис медленно опустился на край своего тяжелого стола, протез тихо завыл.

— Ты хочешь сказать, что они переработали семь гигантских рудовозов целиком? Выбрали металл и выбросили пластик за ненужностью?

— Именно. Как аккуратный хищник обгладывает кость, оставляя только то, что не может переварить, — Голицын наконец отпил бренди, но совершенно не почувствовал вкуса обжигающего алкоголя. — Я просмотрел логи Ската полсотни раз на обратном пути. У нас нет визуального контакта, у нас нет сигнатур двигателей. Всё, что зафиксировали сенсоры эсминца — это остаточное излучение неизвестного генеза. Оно не похоже ни на одну технологию Содружества.

Оно пульсирует, Марис. Ритмично, словно дыхание огромного организма. В нем чувствуется присутствие живого духа, но искин не смог подтвердить этого. Это не стихия, это — разум. Холодный, расчетливый и абсолютно чуждый нам разум.

Виктор поднялся из кресла и начал мерить просторный кабинет шагами. Его сапоги глухо стучали по рифленому металлическому полу.

— Я сидел над рапортом весь перелет. И знаешь, что самое страшное? Я, полковник пограничной службы, ветеран войны с Роем, не могу предположить ровным счетом ничего. У меня нет зацепок. В Содружестве просто нет технологий, способных за пару суток разобрать на атомы семь военных и грузовых судов, не оставив никакого следа. Мы столкнулись с кем-то, выше нас на голову и нашим технологиям до них далеко. Если они игнорируют силовые щиты, как сообщил погибший капитан «Рамуса», и способны как-то поглотить такой объем материи за короткое время, то все наши эскадры, все наши форпосты — это просто консервные банки. Корабли нашей цивилизации — лишь груда руды.

Клавец хмуро посмотрел на свои руки.

— В Штабе не поверят твоему отчету, Вик. Ты же знаешь этих паркетных адмиралов из Столицы. Они потребуют обломки, потребуют видеозаписи боя, потребуют пленных. Без этого твой рапорт назовут галлюцинациями переутомленного ветерана или спишут на системную ошибку оборудования.

Скажут, что конвой погиб от внутрисистемного коллапса, а «черные мусорщики» растащили остатки.

— Пусть смеются, — седой полковник резко остановился перед другом. — Пока первый черный корабль — или как там его назвал погибший капитан — не материализуется прямо над их сияющей Столицей. Я занес в бортовой журнал каждую пылинку в системе, каждое колебание излучения. Приказал искину задокументировать стерильность системы Берилл-05/5 так подробно, чтобы это выглядело как патологоанатомическое вскрытие. Если Содружество решит, что это пираты — это их выбор. Но я видел эту пустоту. И эта пустота кричит громче любого сигнала SOS.

Голицын подошел к широкому панорамному окну. Станция «Рубеж-12» медленно поворачивалась, открывая вид на бездонную тьму, усеянную холодными искрами далеких звезд.

— Мы знаем как воевать с Роем. Рой был саранчой — понятной, биологической, яростной саранчой. Мы понимали, что он хочет есть и размножаться. Эта новая сила... Она не ненавидит нас... Мы для них даже не враги. Мы просто неудобная упаковка, которую нужно вскрыть, чтобы добраться до ценного содержимого. Понимаешь, Марис? Мы для них — ничто. Содружество кичится своими технологиями: лучевым оружием, многоуровневыми энергетическими щитами и прыжковыми двигателями, но для них всё это лишь кучи руды, которые можно переработать.

— Что ты планируешь делать дальше? — спросил Клавец, подходя к другу со спины.

— Подготавливаю доклад. Отправляю его по всем каналам, включая экстренные линии Комитета Внешних угроз. И плевать на субординацию, — Вик тяжело вздохнул, его плечи опустились. — А потом я прикажу техникам проверить каждый кабель на «Грозном». Нам нужно понять, как защитить наши системы от их излучения.

Виктор Голицын чувствовал, как старая рана на плече пульсирует в такт тем странным показаниям датчиков, что он видел в системе Берилл. Он понимал, что тишина, длившаяся пятьдесят лет, закончилась. Содружество было богато, сыто и самоуверенно. Оно забыло, что такое настоящий враг — тот, с кем нельзя договориться и кого нельзя просто смести числом линкоров.

— Мы не готовы к такому противнику, Марис, — тихо добавил Виктор, глядя на отражение своего седого лица в толстом стекле иллюминатора. — Наши щиты бесполезны против врага. Мы разучились воевать. Мы изучали тактику, которая бесполезна. И самое страшное, что враг уже все это понял. Он оценил нас не как воинов, а как сырье.

Голицын развернулся и направился к выходу из кабинета. Ему предстояла длинная ночь за написанием рапорта, который, скорее всего, похоронит его карьеру. Но, возможно, даст человечеству дополнительное время, которое отделяет жизнь от полной и окончательной утилизации. Если, конеч-

но, кто-то прислушается к его словам.

— Отдохни, поспи немного, Вик, — бросил ем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.